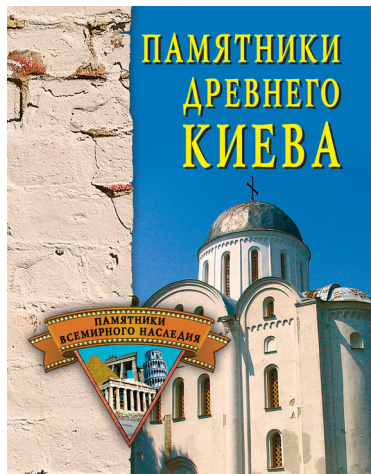

Елена Николаевна Грицак
Памятники древнего Киева
Серия «Памятники всемирного наследия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6003425
Памятники древнего Киева: Вече; Москва; 2004
ISBN 5-9533-0586-9

Аннотация

Очередная книга из серии «Памятники всемирного наследия» знакомит читателя с историей Киева, его архитектурой и художественными ценностями. Формат издания не позволяет раскрыть все аспекты жизни города, существующего более 1500 лет. Поэтому автор ограничился краткой историей и рассказом о наиболее выдающихся исторических местах и памятниках культуры. Описания памятников даны в хронологической последовательности. В книге читатель также узнает о том, как складывался облик Киева, как возникали его архитектурные ансамбли, кому город обязан славой и величием.

Содержание

Введение	5
Старый Киев	7
Город Кия	9
Город Владимира	16
Десятинная церковь	28
Город Ярослава	34
Золотые ворота	39
Софийский собор	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Елена Грицак

Памятники древнего Киева

© Е. Н. Грицак, 2005

© ООО «Издательский дом «Вече», 2005

* * *

Введение

В дивном городе Киеве... трепещет на солнце кичливое золото церковных глав, сияют кресты, даже стекла окон как драгоценные камни горят – кажется, что земля разверзла недра и показывает солнцу сокровища свои.

М. Горький

Нет ничего удивительного в том, что крупный город расположен на берегу реки. Однако Киев не только находится вблизи Днепра, но и буквально парит над ним, раскинувшись на плоской вершине стометровой горы. В отдаленные времена его называли матерью городов русских. Сегодня это одно из самых красивых мест на земле, колыбель российской культуры и государственности.

Вид Киева со стороны Днепра

Красоту и своеобразие Киева во многом определяют ландшафты: каждый уголок, будь то городской район или пригород, исполнен особой прелести. Знаменитый своей живописностью город изумляет обилием памятников древней архитектуры. Стоит хоть однажды пройти по его улицам и паркам, взглянуть на старинные здания, полюбоваться пейзажем, открывающимся с берега Днепра, и незабываемые впечатления останутся на всю жизнь. Кроме монастырей и старинных общественных построек, в украинской столице много просто красивых зданий, которые здесь предпочитают окрашивать в белый цвет. Лишенные исторической или художественной ценности, такие дома в окружении зелени составляют атмосферу южной романтики, отличавшую город с незапамятных времен.

Восхищаясь современным Киевом, нельзя не отметить, что его историческая значимость намного превосходит роль промышленного центра Украины. Период Киевской Руси является эпохой расцвета древнерусской цивилизации. Защищенное крепостной стеной и смелым народом, поселение на днепровских холмах в течение нескольких веков являлось центром державы, сплотившей разрозненные славянские племена.

Красота и величие древнего Киева поражали современников. Приезжие удивлялись садам, расписным теремам, широким улицам, мостовым, огромным каменным храмам, приходя в восторг от роскоши их убранства. Иноземцы не случайно сравнивали русскую столицу с Римом и Константинополем, ведь высочайший уровень ее развития связан с принятием христианства. Приобщение к византийскому миру повлекло за собой развитие зодчества и всевозможных видов искусства. Широкое распространение переводной литературы обогатило местный язык. Именно в Киеве появилось первое на Руси литературно-богословское произведение «Слово о законе и благодати», написанное митрополитом Илларионом. Искусство того времени впитало в себя византийские традиции, но развивалось в собственном русле, послужив почвой, на которой возникла и расцвела культура трех народов.

Старый Киев

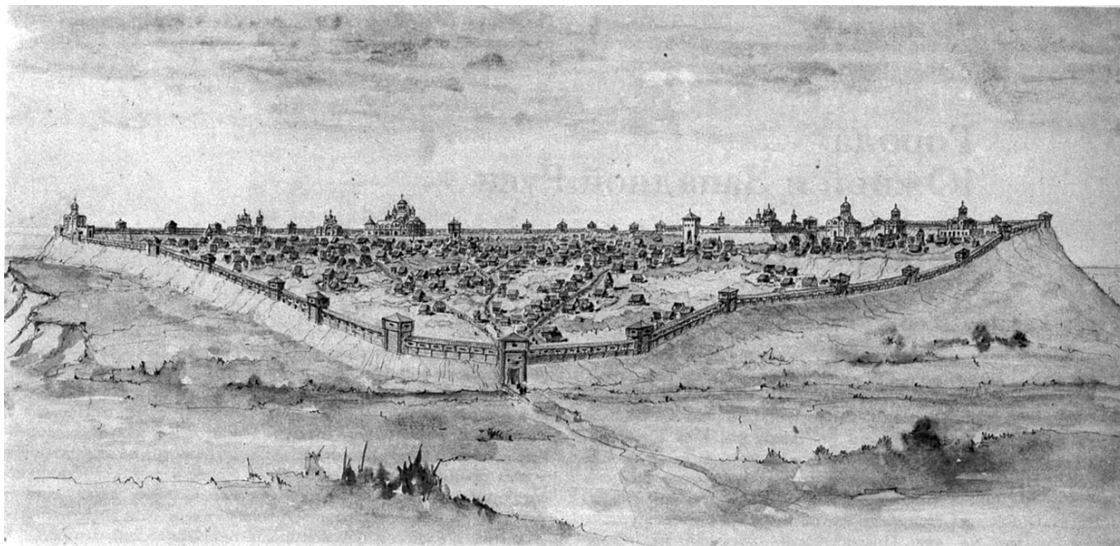
Как сильно было начато, как могуче строено!
М. Горький

Появление такого уникального по архитектуре и пространственной организации города, как Киев, состоялось благодаря его особому расположению. Древние люди выбрали для жительства высокий правый берег Днепра, разделенный малыми реками, ручьями и оврагами на множество отдельных, иногда полностью изолированных холмов с плоскими вершинами. Парящие в вышине плато были выгодны в стратегическом отношении, поскольку рвы, валы и ограды не требовались вовсе или перегораживали узкие перешейки. Днепр представлял собой огромный труднопреодолимый рубеж. Столь же непроходимой являлась река Лыбедь, протекавшая в глубоком овраге и прикрывавшая город с востока и запада. С севера природную линию обороны завершали бездонные овраги и не имевший брода ручей Сырец.

Главный район древнерусской столицы – существующий до сих пор Верхний, или Старый, Киев – расположился на горе Старокиевской. Отмечая место впадения реки Почайны в Днепр, она господствовала над окружающей местностью, отчего казалась основателям города самой удобной с точки зрения обороны. По представлениям древних, гора является священным местом, потому что близка к небу, где обитают боги. Даже краткое пребывание на ней в прямом смысле возвышает, ведь на высоте взору открываются величественные пейзажи, необозримый простор, создающий впечатление единства с природой.

Похожие чувства могла вызывать и Старокиевская, с которой связаны все эпохальные события в истории Киевской Руси. Местные жители видели в ней вечность, неизменность мира, символ постоянства, благополучия и бессмертия народа. В Библии сказано, что здесь в 35 году проповедовал Андрей Первозванный. Апостол с учениками посетил эти места в пору, когда Киев еще не существовал. Поднявшись на крутой берег, он благословил живописный край и водрузил крест, чем предвестил появление города с великим будущим.

К IX столетию под склоном главной горы, в устье Почайны, сформировался Подол – вторая древнейшая часть Киева. Заселенный мастерами и торговцами пригород возник благодаря наличию удобной гавани, позднее оборудованной причалом для приема морских судов. Через два столетия южнее горы Угорской, вниз по течению Днепра, был основан знаменитый Печерский монастырь, вокруг которого сложилось крупное поселение с тем же названием. Ниже Печерска, недалеко от места впадения реки Лыбедь в Днепр, издавна располагались Выдубичи – киевский пригород с собственной обителью. Свой монастырь имели и Дорогожичи, находившиеся также вблизи Киева, но вверх по течению реки.

Вид Старого Киева

На протяжении веков киевские обители вели независимое существование, давая приют больным, странникам и всем, кто стремился к Богу. Отстоящие друг от друга примерно на 2 км, они составили своеобразный ансамбль, где отсутствие единства не мешало, а, напротив, помогало восприятию каждой части. Трудно вообразить, чем руководствовались их создатели, но со временем именно монастыри определили своеобразный вид правобережья, так изумлявшего гостей древнего Киева.

Город Кия

Русские летописи возводят основание Киева к середине 1-го тысячелетия, когда берега Днепра и низовья его притоков населяли племена полян. Предполагается, что ими верховодила династия, которую в V веке представляли братья Кий, Щек и Хорив. Воодушевляемые своей сестрой Лыбедью, «мужи мудры и смысленны» сумели объединить мирный земледельческий народ в мощный союз, ставший основой Древнерусского государства. Младшие братья избрали для жительства невысокие холмы, назвав их в свою честь Щековицей и Хоревницей. Старший устроил на Замковой горе «градок мал и нарекоша имя ему Киев». Лыбедь поселилась на берегу реки, позади главного города, немного ниже места, где впоследствии возникла Печерская лавра.

Сначала в городе Кия находились небогатые хоромы предводителя, мастерские и всего лишь одно каменное здание. Летописцы отзывались о первых князьях как о людях храбрых и «столь благоразумных в справедливости, что поляне и другие нагорные жители добровольно соглашались быть их подданными». Богатая водой и лесом природа давала все необходимое для жизни, но Кий пожелал большего, не случайно его имя на старославянском языке звучало как «дубина».

Устроив город на Днепре, старший князь снарядил войско в Грецию и, не дойдя до нее, закончил поход на Дунае, где основал вторую резиденцию. Выбранное место пришлось по душе Кию, но сам он не приглянулся местным жителям. Не желая войны, поляне покинули недостроенное селение, которое еще долго называлось Дунайский Киевец.

Легендарный предок киевлян скончался в родном городе, передав символическую корону потомкам, не пожелавшим оставить истории своих имен. По преданию, его наследники благополучно властвовали в уделах, а их полководцев признали родоначальниками некоторых местных племен, например вятичей, радимичей или дулебов.

К середине VII века киевский люд обжил поныне сохранившиеся районы Предславино, Киселевка, Угороское, Берестово, Клов, Дорожичи. Неказистые жилища мастеровых теснились на Старокиевской и Лысой горе, в урочищах Кудрявец, Гончары, Кожемяки, нестройными рядами спускались со склонов холма, где стоял город Кия. Княжеские палаты занимали центральную, хорошо укрепленную часть поселения. По мере отмирания родовой общины появилась нужда в устройстве более защищенной резиденции князя. Твердыню построили на Старокиевской горе, позже соединив ее с Замковой деревянным мостом.

В конце столетия днепровские племена подверглись нападению хазар. Признав силу врага, поляне откупились от кочевников данью, которую платили более 200 лет. Известно, что победители не удовлетворялись взиманием подати. Хазарские купцы обосновались в одном из районов города и жили там не особняком, а в мире и дружбе со славянскими соседями. В колонии Козар раньше, чем в русской части Киева, возникло и прижилось христианство. Подтверждением тому являлся построенный здесь храм Ильи Пророка – первая у славян церковь весьма чтимого святого.

С конца IX столетия в Киеве появились варяги. В ранних источниках так называли и скандинавов, нападавших на северные районы будущей Руси, и наемных дружинников русских князей, и купцов, промышлявших торговлей на пути «из варяг в греки». Их легендарные представители – родные братья Рюрик, Трувор и Синеус – были приглашены на княжение соответственно в Новгород, Изборск и Белоозеро. В Киеве недолго правил родственник Рюриков, храбрый и мудрый варяг по имени Аскольд Тирар (?–882). Предпринятый им поход к днепровским странам имел единственной целью сбор дани со слабых народов. Однако, дойдя до Киева, он увидел город богатый, сильный, хорошо укрепленный, хотя

и неспособный сопротивляться столь сильному врагу, как хазары. Возможно, Аскольд сам предложил полянам покровительство в обмен на княжение и не получил отказа.

После утверждения власти киевский князь решил продолжить поход и в 866 году на нескольких кораблях отправился в Константинополь. Однако до Византии варяги не дошли: попав в страшную бурю, они потеряли почти все свои суда, отчего были вынуждены вернуться назад. Второе предприятие Тирара оказалось столь же неудачным. Война с половцами не принесла победы, зато навлекла бедствие на киевлян. В отсутствие правителя город был опустошен чумой так сильно, что пришлось собирать людей для его заселения.

Будучи ставленником Рюрика, гордый, воинственно настроенный Аскольд не признавал своего подчиненного положения и, вероятно, демонстрировал это Новгороду. Если родственник терпел своеволие, всего лишь «не оказывая уважения», то его ближайший сподвижник Олег (?–912) решился на войну. Согласно летописи, умирающий Рюрик передал ему власть как опекуну своего малолетнего сына Игоря (?–945) либо как старшему из родичей. Спустя несколько лет на Киев двинулось войско, набранное из новгородских варягов, чуди, ильменских славян, мери, веси, кривичей.

Аскольд устроил двор в Угорском урочище, где издавна располагалось село с пристанью. Княжеский терем, окруженный домами служилых людей, защищали частокол и капитальные ворота, называвшиеся так же, как и поселение, – Угорскими. По рассказу летописца, в 882 году новгородский князь сумел перехитрить дружинников варяга, взяв крепость обманом. Зная о привязанности местных жителей к своему правителю, он не решился на открытое убийство, разрушение резиденции или самого Киева. На подходе к киевским холмам ладьи новгородцев были встречены сигнальными кострами и обстрелом из береговых засад. Олег оставил часть войска в лесу, приказав остальным спрятаться так, чтобы дозорные видели только гребцов. Когда флотилия подошла к низкому берегу близ Угорска, переодетые купцами воины Олега вышли на пристань. Уговорив охрану открыть ворота, «торговцы» выманили из крепости сначала дворовых, а затем и Аскольда, которого Олег приказал убить в момент, когда тот спустится к ладьям. Подняв на руки Игоря, похититель власти представил сына Рюрика законным правителем Киева, чем сумел смирить народный гнев.

Аскольдова могила

Киевляне поклонились новому владыке, но Аскольда похоронили с великими почестями. Его тело «несоша в гору и погребоша на горе, что зовется Угорское», где могила находится до сих пор. Вскоре в Угорском урочище была построена деревянная церковь Святого Николая, ибо храбрый варяг в христианстве носил имя этого святого. В 1036 году при храме возник девичий монастырь, затем преобразованный в мужской под названием Пустынниколаевский.

Ранние летописцы отрицали язычество Аскольда, рассказывая, что он окрестился после чуда явления греческого митрополита Михаила. Так или иначе, но при Тираре в Киеве строились церкви, уничтоженные Олегом, так же как и остальные памятники варяжского княжения. С того времени славян и полян в местных и греческих источниках именовали русичами, а Киев стал центром крупного государства.

На рубеже тысячелетий городище Кия походило на поселение городского типа, где укрепленный центр с языческим капищем окружали поселки без четких обозначений. Теснящие друг друга землянки располагались подле владений князя, но, разъединенные пустырями, ручьями и реками, не сливались в единый комплекс. Названия у жилых районов появились в середине IX века, когда Киев состоял из крепости и прилегающего к ней посада с собственными оборонительными сооружениями.

Древнерусскую крепость именовали городом, кремлем или детинцем. Происхождение самого слова осталось загадкой истории, хотя его значение известно: «внутреннее, противопоставленное внешнему поясу обороны укрепление», то есть «крепость в крепости». Детинец, где обитал князь со своей дружиной, начал существовать после того, как Киев окружила вторая стена. Скрытый высоким забором, он являлся наиболее защищенным районом города и был недоступен для некоторой части общества, например для приезжих купцов.

Во времена Олега самая укрепленная часть посада обычно именовалась окольным городом, хотя в летописях встречались и другие термины. В частности, Подол был огорожен столпием, который представлял собой стену из вертикальных, поставленных вплотную бре-

вен. Ее высота немного превосходила рост зрелого мужчины – «стенка с дубом, мало выше мужа», как называли ее современники.

Авторы более поздних источников величали такую конструкцию острогом. В условиях обилия леса он возводился быстро и легко, меняя место по мере роста посада. Укрепления киевских предместий охватывали сложившиеся поселения, не затрагивая свободных земель, даже если они предназначались для застройки. При стремительном увеличении района подобная практика приводила к появлению незащищенных жилых территорий.

Чаще всего возводились легкие ограды, которые не спасали людей в пору серьезной опасности, но выдерживали напор воровских шайк, диких зверей или врага, если тот не готовился к длительной осаде. Русичи посадки не обороняли; при угрозе нападения жители скрывались за стенами крепости, жертвуя лачугами и небогатым скарбом. В летописях часто встречаются упоминания о брошенных посадах, разрушенных и сожженных острогах: «видевши силу вражескую, повелеша людям всем бежати из острога в детинец» или «посад около града пожгоша, а город не взяша».

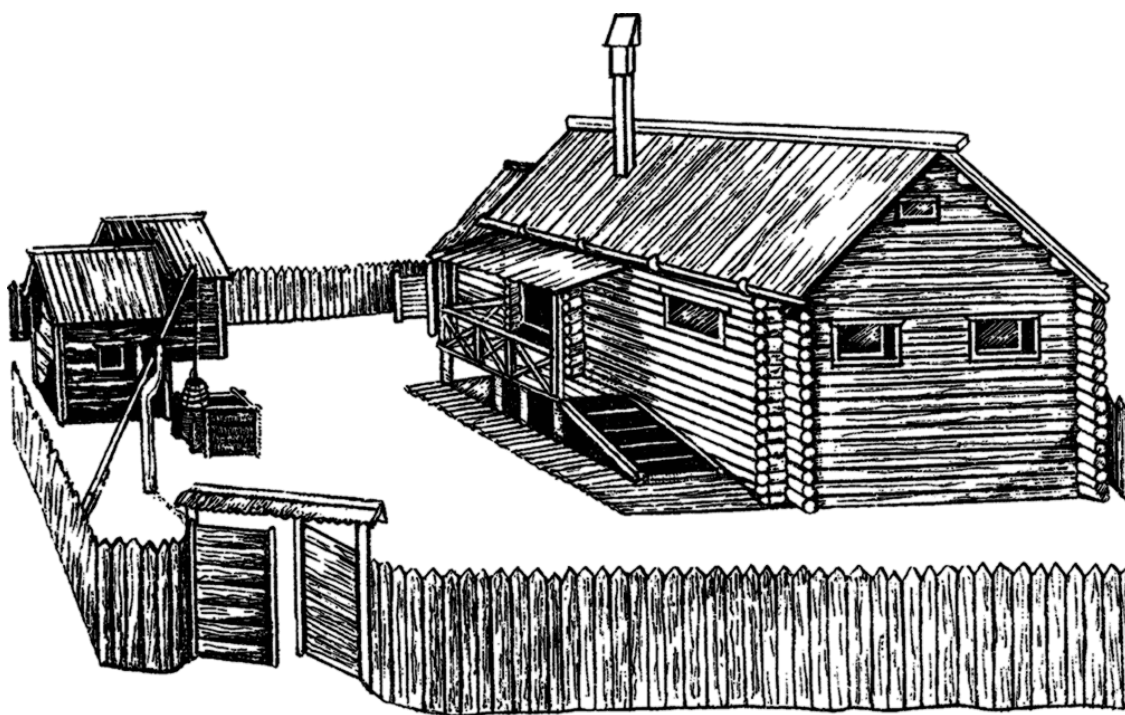
Улица киевского детинца. Реконструкция

В посадах стратегически важных городов, каковым являлся Киев, имелось до трех оборонительных линий. Однако даже относительно мощные укрепления не охватывали весь район, оставляя людей беспомощными перед сильным неприятелем. Под градом стрел и камней жители переходили от одной линии к другой, в итоге оказываясь в надежно защищенной крепости. Именно системой обороны можно объяснить некоторые особенности древнерусских городов, в частности обилие хозяйственных построек или конструкции зданий, по виду больше напоминавших склады, чем жилище человека. Первый киевский посад образовался на Замковой горе, где ремесленники начали селиться под защитой города Кия. Если крепость обозначить как детинец, то окружавшая его территория была окольным городом, а поселение на близлежащей Михайловской горе являлось посадом.

Даже простому киевлянину не представляло труда построить дом, благо леса вокруг имелось в избытке. Легкие срубы часто горели и легко возводились заново самими погорельцами или приглашенными плотниками, каковых в городе было не меньше, чем деревьев

в окрестных лесах. Провизия и домашнее имущество являлись предметом особой заботы, а постройки к ценностям не относились, отчего посадские без сожаления бросали их, едва заслышав о приходе врага. Еще большую небрежность киевляне проявляли по отношению к глиняной посуде. Не желая тратить время на склеивание черепков, гончар охотно брался вылепить новый горшок, посему мастера этой специальности не жаловались на отсутствие работы.

Большинство историков убеждены, что в посадах обитали ремесленники и купцы, тогда как в крепости располагалась княжеская резиденция. В домонгольскую пору город действительно являлся местом проживания владыки с семейством, дворней и многочисленной дружиной. Однако во времена Аскольда князь садился, то есть жил постоянно, далеко от стен Киева, а укрепленная территория столицы была занята вечем и служителями культа. Древнерусский правитель не всегда имел столько власти, чтобы занимать твердыню. В тяжелые времена она служила складом, где хранились съестные припасы и вещи членов городской общины. Здесь же стояли неотопливаемые клетки богатых посадских, которым за особые заслуги позволяли иметь в крепости сарай, кроме того служивший укрытием на время осады. Позже на месте клеток возникли дворы – обширные усадьбы со множеством строений и примыкающими к ним угодьями. В старину понятие «двор» означало больше, чем границы родового владения. Оно относилось не только к семейной, но и к государственной, культовой, торговой организации бытия: «княж двор», «владычен двор», «купецкое подворье».

Обитавшие в Киеве новгородцы жили общиной, устроив себе двор с храмом. В городе существовали дворы славянских князей, имевших право на киевский стол (великокняжеский престол), но не занимавших его в данное время. Усадьбы являлись их вотчинами в русской столице, где по статусу они равнялись боярам. Таким местом был скрытый за высоким забором дом полоцкого князя Брючеслава или упомянутый в одном источнике Мстиславов двор – киевское хозяйство, которым управляла мать великого князя Изяслава Мстиславича.

Боярский двор по виду напоминал хорошо укрепленный замок. Окруженные крепким частоколом строения предназначались для хозяина и его многочисленной челяди. Подоб-

ный двор, кроме жилья, включал в себя сад и набор построек, позволявших существовать, не выходя за пределы усадьбы. В ранние времена хозяйская «хоромина» почти не отличалась от землянки зажиточного посадника. Обязательными элементами каждой усадьбы были такие сооружения, как баня, навесы для летнего содержания скота, погреб-ледник и всевозможной формы ямы для хранения продуктов.

Киев входил в число городов, где имелись особые поселения – слободы, заселенные людьми, временно освобожденными от налогов. Подобного рода районы возникли на основе княжеских, позже боярских или монастырских дворов, поэтому большая часть их населения владела какой-либо одной специальностью. Со временем они соединялись с посадом, сохраняя былую планировку, статус и состав обитателей. Впрочем, социальная однородность не распространялась дальше слободы. С развитием окольного города сюда из крепости начала переселяться знать. Многие богатые дворы устаивались в укрепленной части посада, оттого малая его часть постепенно стала аристократическим районом.

К XI веку в Киеве выделилась третья городская структура – торг. В княжеские времена так называли главный рынок, как правило расположенный в окольном городе. Торговцы не имели возможности предложить свой товар лично князю и старались приблизиться к детинцу, располагая лотки под стенами главной крепости. Подобная структура была удобной и безопасной, поскольку купцы с покупателями находились под охраной стражников. В крупных поселениях, помимо главного рынка, имелись торговые площадки специального назначения, например сенные или рыбные базары. Последние устраивались вблизи моста или на берегу реки.

Главный торг определял планировку древнего Киева; благодаря близости к воротам детинца он словно притягивал к себе улицы посадов и дороги, ведущие в другие города. Купцам разрешалось возводить на рынках храмы в честь своих покровителей: Параскевы Пятницы, Власия, Николы. Территория торгового района использовалась для размещения общегородского храмового комплекса с церквями, возводимыми в честь знаменательных побед и прочих событий в городской либо княжеской жизни.

Древний торг Подола занимал около 3 га. Крупнейший из столичных посадов, он выглядел внушительно даже на фоне Старого Киева. До середины XII века здесь не строили каменных зданий. Вид распластанной по берегу реки жилой застройки оживляли силуэты храмов, возводившихся, как и дома, только из дерева. Главной среди них была церковь Богородицы Пирогощи, где былинный князь Игорь устроил молебен по возвращении из половецкого плена. От пристани к Подолу можно было подойти по мощеным улицам, вдоль которых тянулись дренажные канавы в виде лотков, облицованных досками. Благодаря примитивной мелиорации посадские не тонули в грязи, а владельцы усадеб были обеспечены водой даже в засушливое время года. Архитектура подольских дворов не менялась веками. Береговые постройки часто разрушались при наводнениях, но как только Днепр отступал, дома отстраивались в прежних границах и формах.

Возросший престиж княжеской власти, увеличение числа жителей, усложнение социальной структуры города повлекли за собой изменение его облика. В X веке в самом Киеве и за его пределами начали появляться каменные дворцы. Не слишком просторный «терем камен над горою» принадлежал супруге Игоря Рюриковича, княгине Ольге (?–969).

В сознании современного человека высокие белокаменные палаты накрепко связаны с русской стариной, хотя первые здания подобного рода строили греки. Их участие зафиксировано в договоре с Олегом, где упомянута оригинальная строительная техника, дотоле неведомая на Руси. В работе заморских мастеров соединились два известных способа кладки: «опус микстум» на известковом растворе с добавлением обожженной керамики и так называемая кладка «насухо» с использованием разведенной в воде глины.

Когда-то во дворе киевского дома княгиня Ольга встретила послов своего заклятого врага князя Мала и спокойно выслушала его дерзкое предложение о замужестве. Вождь древлянского племени считался убийцей Игоря, поэтому Ольга видела в странном сватовстве надежду на киевский трон. По легенде, сватов закопали живьем во дворе княжеского терема. Очередной поход в древлянские земли принес гибель неразумному Малу и всем жителям его города, сожженного по приказу княгини.

Ольга выстроила себе один дворец в Киеве, имея «вне града двор другой». О происхождении жены Игоря Рюриковича делалось много предположений. Согласно летописи, в 903 году Олег «привел Игорю жену из Плескова именем Ольга». После гибели супруга княгиня управляла киевскими землями за малолетнего сына Святослава (?–972), позже замещая его во время походов. Согласно другому летописному рассказу, она отомстила древлянам, установив для непокорного племени «уставы и уроки», то есть дань и натуральные повинности.

В 955 году княгиня отправилась в Константинополь, где окрестилась под именем Елена. Подробности поездки известны из сочинений греческого императора Константина Порфирородного, хотя тот не упоминал о крещении гостьи. Возможно, Ольга приняла христианство раньше, еще в Киеве, где уже тогда было много крещеных варягов. Княгиня умерла в глубокой старости, была похоронена по христианскому обряду и впоследствии причислена к лику святых.

Второй, более просторный «камен терем» еще при жизни Ольги выстроил себе ее сын Святослав. В 980 году сюда «как в отчий дом вошел» следующий Рюрикович – князь Владимир, прозванный Красным Солнышком (?–1015). В пору его правления столицу украсили еще два каменных терема. Судя по сходству размеров и архитектуры, дворцы строились примерно в одно время, но имена их владельцев неизвестны. Оба дома занимали одинаковую площадь, представляя собой традиционную для южнорусского зодчества трехчастную конструкцию. В Киеве чаще применяли один из ее видов, когда в центре здания располагалось квадратное помещение, окруженное прямоугольными комнатами. Стены каменных дворцов покрывала беломраморная резьба, внутри яркими красками сияли мозаики и фрески. В некоторых случаях из камня возводили только нижние этажи, оставляя для верхних дешевое и теплое дерево.

В те времена княжеские и боярские дворы нередко занимали до 5 га. Владения купцов были ненамного меньше, но летописцы ими не интересовались, тогда как о княжеских дворах рассказывали довольно часто. Большой Олмин двор с 882 года являлся второй резиденцией Аскольда. В загородной усадьбе рядом с церковью Святой Орины жил и обрел вечный покой Дир – соправитель Аскольда, убитый вместе с ним по приказу Олега. Позади Десятинной церкви располагался загадочный «двор демествеков», где могли проживать храмовые певцы. В летописях увековечено жилище некоего варяга-христианина, убитого в 983 году. Значительное место в городе занимали дворы влиятельных боярских семей, подобных родам Чудиных, Воротиловых, Никифоровых или потомкам тысяцкого Гордяты. Исключением из неизвестных торговых подворий стала усадьба Борича. В честь богатого купца, входившего в состав русского посольства, названы ручей и улица. Боричев взвоз поднимался от гавани в устье реки Почайны к дому торговца, омываемого чистыми водами Боричева тока.

Город Владимира

Победоносные походы Олега, Игоря и Святослава укрепили границы Древней Руси, устранили внешнюю опасность, что способствовало дальнейшему объединению славян. Образование мощного племенного союза с центром в Киеве стало одной из предпосылок его расцвета, усиления экономической и политической значимости. Времена правления третьего из Рюриковичей называют «последним этапом славного варварства, зенитом славы языческой Руси». В конце его княжения границы государства расширились до Прибалтики, Карпат, Чёрного моря и Волги, но славные дела, по обыкновению, начались с братоубийственной войны. Князь Владимир Святославич владел просторным поместьем в Белгороде, имея официальную резиденцию в Берестове. Он правил в Киеве с 980 года, захватив великокняжеский престол после долгой борьбы с братьями Ярополком и Олегом.

Владимир заботился о благоденствии народа, хотя большее внимание уделял величию и красоте столицы как месту собственного пребывания. Богатая казна, пополняемая трофеями и данью с покоренных народов, позволяла вести широкое строительство. По словам украинского историка М. Ф. Берлинского, «в Киеве появились великолепные по тогдашнему вкусу и способности здания, а для преимущества столичного были устроены чистилища идолов». Незадолго до обращения в христианство Владимир пытался утвердить единый культ, избрав для всенародного поклонения Перуна – издревле почитаемого славянами бога грозы, покровителя князя и дружины, главу языческого пантеона. Его деревянная статуя венчала северную оконечность Старокиевской горы. Другие истуканы – Хорс, Дажба, Стриба, Семаргл, Мокош, Волос, Позвизд, Ладо, Купало, Коляда, Лель, приспособленные к различным временам и обстоятельствам, стояли в разных местах города. Стоит отметить, что усердное язычество не заставляло русских преследовать иноверцев, хотя кровь человеческая в жертву идолам все же проливалась.

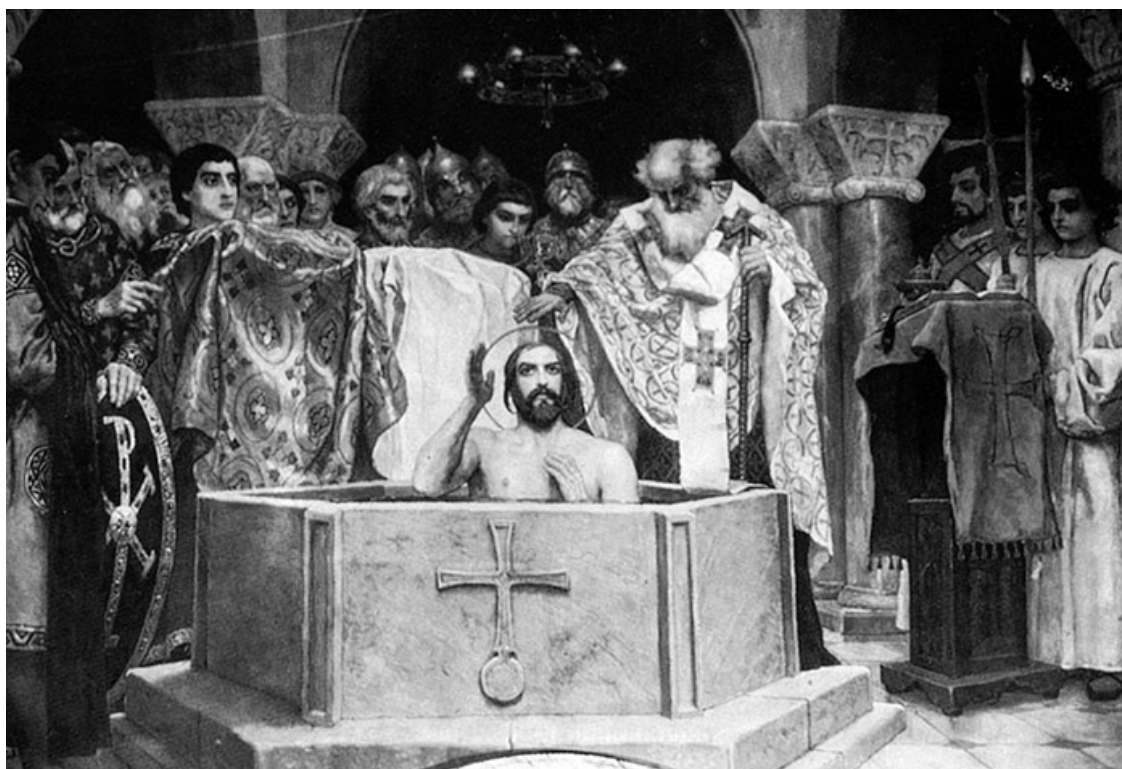

Князь Владимир Святославич. Фреска церкви Всех Святых Киево-Печерской лавры

При Владимире на Руси было официально введено христианство, которым народ прониклся в течение нескольких веков. Глубже изучив известную религию и убедившись в ее превосходстве, князь решил оставить суетное идолопоклонничество. Царское звание не позволяло «кланяться грекам», поэтому он избрал для крещения более сложный, но самый достойный путь. Русские пришли в Константинополь после покорения Корсуни (Херсонеса). Чувствуя себя победителями, потрясая оружием, они потребовали от императоров Василия и Константина залог вечной дружбы – царевну Анну в жены Владимиру. Однако христианка не могла выйти замуж без благословения церкви, а венчание не представля-

лось возможным, поскольку жених был язычником. Таким образом, предложение о перемене веры первыми высказали византийские владыки, и Владимиру «пришлось согласиться».

Автор Повести временных лет утверждал, что князь крестился в Корсуни, в церкви Святого Василия, после того как «по божественному промыслу разболелся глазами и не видел ничего. Епископ корсунский возложил руку на него, и Владимир прозрел. Ощувив внезапное исцеление, он прославил бога». Так или иначе, но вслед за князем окрестилась вся дружина, и скорее всего это случилось в Константинополе. Новообращенные киевляне получили в поддержку митрополита, духовных учителей, иконы, церковные книги и различную утварь для устройства храмов на родине. В некоторых источниках указано, что в Киев отбыл гонец с приказом немедленно отпустить всех княжеских наложниц, «коих до несколько сот насчитывалось». В назначенный день 988 года в водах Днепра окрестились жители Киева, а позднее в близлежащие реки окунулось все население государства.

В. М. Васнецов. «Крещение князя Владимира». Роспись Владимирского собора, 1885–1896 годы

В. В. Полтавец. «Крещение Руси», 1969 год

Всенародное крещение превратило Киев в центр христианства на Востоке. Несмотря на высокий статус, город по-прежнему оставался небольшим укрепленным поселением. Обнесенный валом и глубоким рвом, с деревянными дворцами и капищами языческих богов, он стал тесным и не соответствовал возросшей роли. Для того чтобы придать столице достойный вид, Владимир приказал снести обветшавшие стены крепости, засыпать южную часть рва и вала, после чего территория детинца значительно увеличилась. Торг и посад были обнесены высоким крепким частоколом. Центр обновленной столицы переместился на базарную площадь, получившую название Бабин торг в честь бабки Владимира, княгини Ольги. По давней традиции это место выбрали для основания нового храма – каменной Десятинной церкви, вскоре засиявшей золотыми куполами среди княжеских теремов и роскошных боярских палат.

С устройством Бабина торгова недавняя часть киевского посада обрела значение «столевого града». Великокняжеский город теперь располагал резиденциями князя, митрополита как высшего церковного иерарха и множеством государственных учреждений. Гости Киева проходили в крепость через каменные Софийские ворота – первый на Руси городской вход, устроенный по правилам европейской фортификации. Древние врата могли называться иначе, а это наименование возникло после того, как современные археологи обнаружили их на пути к монастырю Святой Софии. Частично сохранившийся фундамент ворот, украшенных на уровне проезжей части цветным камнем, дает представление о былых размерах сооружения. Просторная надвратная башня с проездом посередине не имела храма, как было принято в более поздние времена. В двух верхних ярусах размещался караул, который обеспечивал защиту проезда и днем и ночью.

Рельеф с изображением Геракла, сражающегося со львом, XI век

Рельеф с изображением богини Кибелы в колеснице, XI век

Летописцы не обошли молчанием созидательную деятельность Владимира, хотя рассказывали о ней крайне скупое. «Повеле он рубити церкви и поставляти по местам, идеже стояше кумиры и поставити на холме церковь святого Василяя». Ранее на той площадке находилось святилище Перуна, а упомянутый храм был возведен в память о событии из жизни самого князя, носившего христианское имя Василий. Приняв новую веру, он не преминул выказать презрение к старой: по его приказу идола привязали к лошадиному хвосту, стащили с горы и бросили в Днепр.

Киевские правители стремились подражать образам римских столиц с их акрополями, форумам, фресками, монументальной скульптурой и беломраморным декором. Недалеко от Десятинной церкви стояла бронзовая античная статуя в виде квадриги коней, вывезенная из Корсуни дружинниками Владимира. В Берестове были обнаружены шиферные рельефы, украшавшие стены княжеского дворца в XI–XIII веках. На одном из них изображен Геракл,

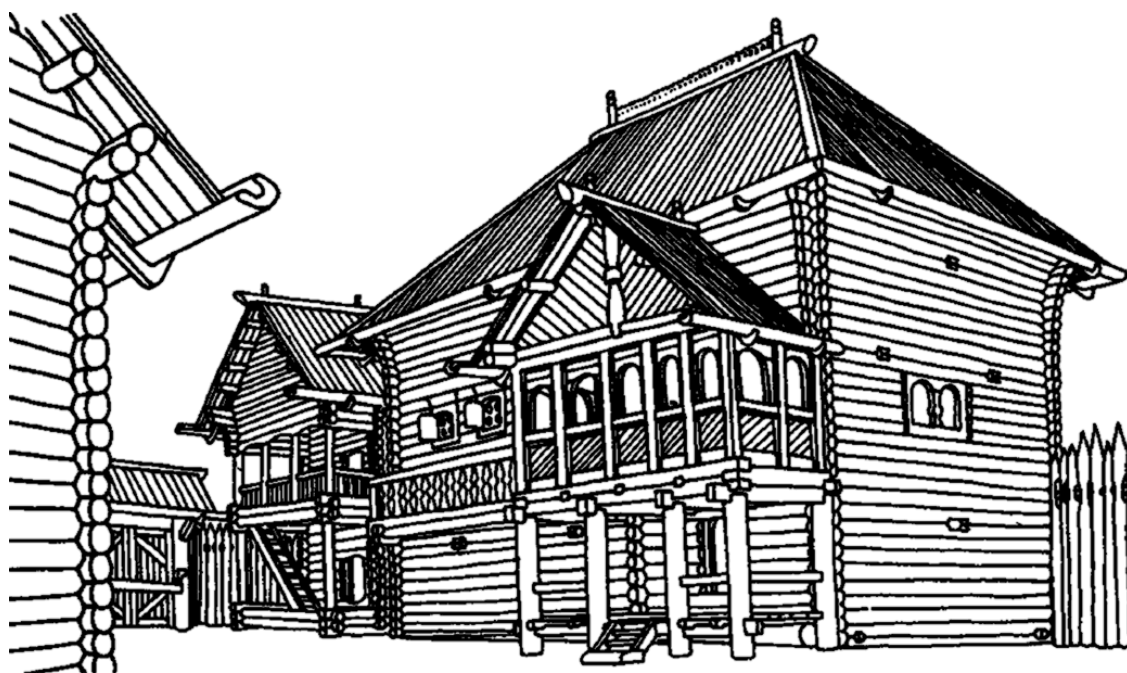
раздирающий пасть льву, а на другом – мать богов Кибела, лежащая в колеснице, запряженной львами. Предположительно созданные ко дню свадьбы какого-то князя, они символизировали мужские и женские качества, которыми молва наделяла киевских владык: силу и отвагу по отношению к князю, а красоту и спокойствие – к княгине.

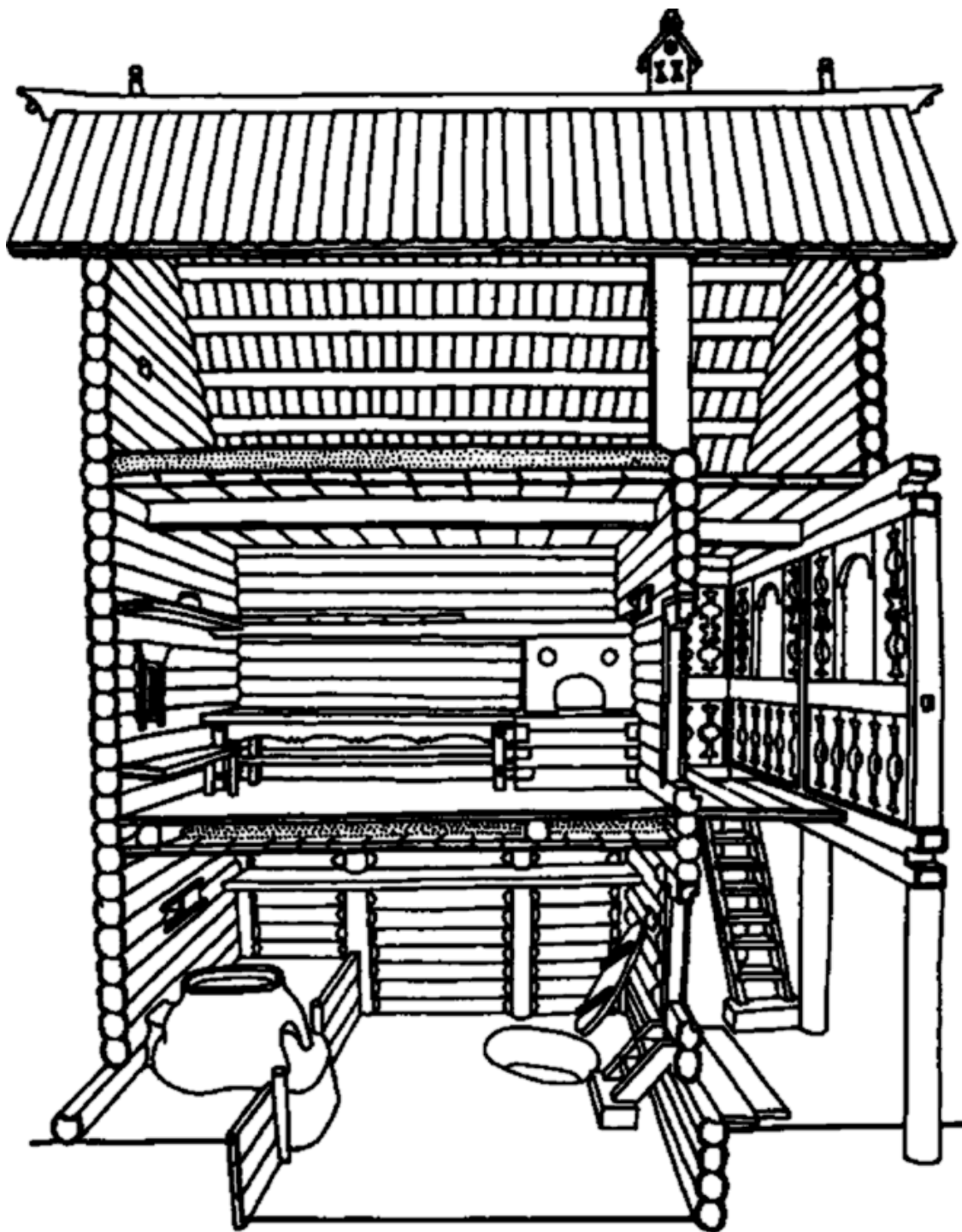
Невысокий рельеф скульптурных композиций напоминает резьбу по дереву. Заметно, что их создал художник, прошедший обучение у греческих мастеров. Геракл высечен сильными, резкими ударами резца; складки плаща, львиная грива и ветки дерева подчеркнуты декоративно, в оскаленной звериной пасти и напряженном лице героя чувствуется сильная экспрессия. В противоположность воинственному облику Геракла богиня Кибела трактована в мирном духе. Ее женственный образ представлен в мягких формах и плавных, скругленных линиях. Впечатление покоя достигнуто простыми художественными средствами: вальяжной позой и задумчивым лицом героини, добрыми мордами львов, похожими на лошадей.

Долгое время считалось, что колорит древнего Киева определялся темным цветом деревянного сруба и пестротой кладки «опус микстум». На самом деле все каменные здания города были покрыты штукатуркой и окрашены в белый цвет. Сияющую белизну подчеркивали живописные детали: выложенные из красного кирпича фризy с узором меандр, которые в храмах обычно располагали в верхней части барабанов либо на уровне хоров. В насыщенной палитре ярко проявлялся народный характер. Такие черты, как неиссякаемое жизнелюбие, стремление к свету и солнцу, отличали киевлян-язычников и остались в христианах даже после жесткой расправы с идолами. Горожане обмазывали глиной и белили не только каменные, но и деревянные постройки: оборонительные башни, частоколы посадов, жилища. Привычка штукатурить и красить дома, помимо красоты, приносила жителям ощутимую пользу, ведь толстый слой глины защищал деревянные стены от огня.

Белый цвет долго оставался ведущим в колорите города. Белизна господствовала на стенах, эффектно контрастируя с потемневшими деревянными кровлями, красными крышами из черепицы или серебристыми из свинцовых пластин.

Киев времен Владимира по европейским меркам был огромным цивилизованным городом. В последние годы его княжения в крепости, монастыре и посадах проживало около 30 тысяч человек. Небогатый посадский люд пользовался для жилья полуземлянками со стенами из толстых бревен. Будущие домовладельцы начинали строительство с рытья котлована глубиной примерно 1 м, куда помещали сруб или стенки из плах, укрепленных столбами. Деревянную конструкцию поднимали над землей настолько, чтобы общая высота жилища составляла не менее 2 м. Вход с лесенкой или земляными ступенями обычно устраивали с южной стороны. Двухскатные крыши киевских полуземлянок почти не отличались от современных кровель. Их покрывали досками либо закидывали соломой и толстым слоем земли. Затем грунтом присыпали стены, что помогало сохранять тепло, предупреждало гниение дерева, отчасти уберегая дом от пожаров. Бедняки делали полы из притоптанной глины, а люди побогаче застилали комнаты деревянными плахами. Единственное помещение отапливалось нещадно чадившими каменными или глиняными печами. Если в лютую стужу хозяева решались прикрыть дверь, то комнату заполнял едкий дым. Прорубленное на стыках бревен крошечное оконце – слюдяное, стекольчатое или просто с деревянной дверцей – от задымления не спасало. Печь обычно стояла в глубине комнаты, в дальнем от входа углу. Прямоугольная либо круглая, постепенно суживающаяся кверху, она имела только одно отверстие, куда закладывались дрова. Здесь же хозяйка готовила пищу, пользуясь огромной, накрепко соединенной с печью жаровней из глины, по виду напоминавшей сковороду. Реже ее заменяло отверстие для горшков, в которых варили каши и похлебки. На ночь семейство устраивалось на лавках или дощатых лежанках.

Киевские полуземлянки. Реконструкция

Дом зажиточного горожанина представлял собой трехуровневую конструкцию, как правило объединенную с другим, жилым или хозяйственным, строением. Первый, именовавшийся подклетом, холодный этаж отводился для хранения продуктов, инструментов, содержания скота. Выше располагалась горница (от др.-рус. «горнее» – «верхнее») с печью, а на третьем этаже устраивалась светелка – самая теплая комната дома. Вход в полуземлянку начинался с сеней, где холодный воздух немного согревался, перед тем как попасть в жилище. В трехуровневых домах было гораздо чище и уютнее, чем в обычной землянке, ведь печь располагалась у входа и дым, минуя помещение, уходил в приоткрытую дверь.

До появления дымохода сажа была заклятым врагом русских домовладельцев. «Горести дымные не терпев, тепла не видати», – говорили в народе. Хозяева боролись с копотью, не жалея ни сил, ни времени, подчас проявляя редкую изобретательность. Черная «сыпуха» оседала на стены и потолок, спадая затем тяжелыми хлопьями. В высоких полуземлянках от этой беды спасали широкие полки, опоясывающие комнату по периметру. Поднятые на двухметровую высоту, они служили сборниками сажи, не мешая сидящим на лавках.

Именно из-за дыма киевские дома «выросли» до 3–4 м. При умелом использовании печи воздух на высоте человеческого роста оставался относительно чистым. Хозяева старались протопить избу до наступления темноты. Благодаря земляной засыпке тепло не уходило через крышу. За день хорошо прогревалась верхняя часть сруба, где со временем стали устраивать полаты – теплую, удобную спальню для всей семьи.

В домонгольский период в составе развитых хором сложился дополнительный тип жилых покоев. Весьма оригинальная система комнат под названием «повалуша» просуществовала в русском зодчестве более 500 лет, отметив своим присутствием дома практически всех слоев населения: крестьян, ремесленников, богатых горожан, торговцев, бояр, князей и даже царей. Самое раннее упоминание о повалуше относится к XII веку, когда отдельные помещения на втором уровне полуземлянки устраивали только богачи. Позднее многоэтажные, красиво расписанные повалуши стояли на подклетах напротив горниц, имея общие с ними сени. На старинных фресках, иконах и миниатюрах они изображались в виде башен и подобных им сооружений – столпов. Русский князь Андрей Курбский назвал такую комнату «храминой зело высокой, по их же обыкновенному слову нарицают повалыша в самых верхних каморах».

Если дома посадского люда с их серыми стенами и бурьяном на крышах почти не отличались друг от друга, то купцы, княжеские слуги или священники старались выделить свои жилища размерами, формой и убранством. Зажиточные киевляне нанимали лучших плотников, для срубов подбирали самые длинные деревья, с тем чтобы устроить дополнительную стену, разделявшую дом на две половины: верхнюю, господскую, и нижнюю, людскую.

Можно лишь спорить о том, почему в древности людьми называли слуг, которых, собственно, не считали таковыми. Однако холопам жилось тепло, хотя и немного дымно, поскольку черная печь находилась в людской – нижнем жилом помещении дома. Разделительная стена вбирала жар печи и согревала соседний отсек, устроенный для проживания господской семьи. Здесь было прохладнее, зато вместо «горести дымной» хозяева наслаждались свежим воздухом, наполненным приятным смолистым ароматом свежего дерева. Стены покоев, подобно наружным стенам, были украшены резьбой; бояре не скупались на яркие росписи, нанимая умелых краснописцев, благодаря которым киевский детинец поражал сказочной красотой.

В самой древней части киевской крепости находился так называемый двор Ярослава – место резиденции великих князей, потомков Владимира Святославича. Основатель этого веселого места устраивал в здешней гриднице роскошные застолья, куда разрешал приходить каждому жителю Киева. Некоторые сведения о знаменитых пирах можно почерпнуть из былин:

...Во стольном граде Киеве
У ласкова князя Владимира
Было пированьице – почестен пир
На многих князей, на бояров,
На могучих на богатырей,
На всех мужиков торговых,
На всех мужиков деревенских...

Летописцы рассказывали, как «по вся недели устави на дворе в гриднице пир творити и приходити бояром, и гридем, и соцьким, и десяцьким, и нарочитым мужем при князе и без князя. Повеле всякому нищему и убогому приходити на двор княж и взиматы всяку потребу питье и яденье». Гридями в Древней Руси называли княжеских дружинников, телохранителей князя, для которых строили особые дворцовые помещения – гридницы. Демократичный характер их использования отражал нравы патриархальной старины, не случайно летописцы отмечают, что Владимир всегда «жил по заветам отца и деда». Однако современные историки придерживаются иного мнения. Князь действительно был милостив и снисходителен, но «переменился во нравах лишь к старости, когда из воинственного и корыстолюбивого сделался человеколюбивым. Сия добродетель простиралась до того, что великого труда стоило митрополиту уговорить его принять меры для истребления разбойников».

Сцена княжеских забав на фреске Софийского собора

После храмов самыми эффектными сооружениями в застройке киевских посадов были не терема, а столпы и вежи (от др.-рус. «вежды» – «глаза»). Внешне напоминая шатер, они составили архаическую основу нескольких видов древнерусского зодчества.

К наиболее древним постройкам этого типа можно отнести сторожевые башни, возникшие в качестве укрепления еще во времена родовой общины. Вежа как их разновидность органично вошла в состав богатых хором. Обнесенный частоколом, дополненный дубовыми воротами и вежей двор символизировал незыблемость бытия, став гарантией безопасности и независимости домовладельца. В Ипатьевской летописи содержится выразительное описание 20-метровой «вежи среде града высокой, якоже бити с нея окрест града... Создана же сама дровом тесаным и убелена яко сыр, светяща на все стороны».

Древнерусский терем (от греч. *teremnon* – «жилище») во многом сходен с башнеобразными постройками ближнего и дальнего зарубежья, что относит его к явлениям мирового характера. В Киевской Руси так именовали верхний жилой ярус богатых хором. Помимо комнат, существовали и отдельные терема, возводимые над воротами или на высоком подклете. В качестве сооружения терем связан с военной архитектурой раннего Средневековья, а термин исходит от византийского окружения первых киевских владык. С XII века в обозначениях сооружений подобного рода использовалось слово «столп».

Терем в составе хором представлял собой комнаты, расположенные по вертикали с включением внутренней лестницы, ведущей на хоры и выше. В верхнем помещении, которое, собственно, и являлось теремом, хранились книги и родовые ценности. Разнообразные по назначению и конструкции срубы в киевских домах соединялись с крыльцом переходами и навесами. Древние плотники тщательно обрабатывали контуры проемов, всегда добиваясь пластичности и выразительности форм. Излюбленными мотивами в деревянной резьбе были арки, которые со временем разделились на всевозможные виды – такие, как арка со сдвигом, килевидная, трехдуговая с циркульным или килевидным центром. Единство крупных деталей архитектурного декора в деревянном и каменном древнерусском зодчестве составляло сущность ансамблевой застройки городов.

В X–XIII веках Киев оставался крупным культурным и политическим центром, который оказывал мощное влияние на второстепенные города Древней Руси. Крепость и торговля окружали посады с обширными дворами; позади них располагались огражденные сады и огороды. Расширяясь к окраинам, улицы веером расходились от главного рынка, создавая проход к центру по самому короткому пути. Во дворах стояли каменные палаты, а сами усадьбы если не по величине, то по сложности устройства напоминали государство. При раскопках в Подоле археологи обнаружили венцы и срубы древних построек с остатками дверных деталей. Земля сохранила дубовые ограды, выполненные из широких тесин, частоколы, крыльца на столбах со ступенями, целые избы с сенями, подклетами, горницами.

Киев в XII веке

В городе существовали производственные дворы и множество административных зданий, подобных гриднице, мытарнице (таможне), стражищу (здание для стражи). На просторных рыночных площадях, помимо лавок, стояли корчмы и другие питейно-развлекательные сооружения. Археологам удалось раскопать киевские мостовые. Судя по наслоению бревен, составлявших дорожку одной ширины, уличная трасса создавалась и сохраняла значение в течение нескольких веков. Путешественник А. Бременский называл Киев «блестящим украшением» православного Востока, а писатель Титмар Мерзебургский подтвердил эти слова, насчитав в русской столице 400 храмов и 8 рынков. Видимо, их было еще больше, ведь в Лаврентьевской летописи сказано, что пожар 1124 года уничтожил около 600 церквей.

Иноземных гостей Киева приводили в восторг красивые виды и своеобразие местной архитектуры. Путник, взбиравшийся по Боричеву взвозу или проходивший через Софийские ворота, сразу замечал белеющую вдали Десятинную церковь, окруженную дворцами, храмами, каменными палатами, деревянными теремами со стройными вежами. Более величественная картина представала тем, кто прибывал в Киев на ладье, подплывая с севера,

по пути «из варяг в греки». Сначала над темной лентой Днепра возникали домики и шатры деревянных храмов Подола. Над постройками круто вздымались обрывистые холмы, увенчанные высокими стенами крепости. Несмотря на внушительные размеры, каменное ограждение города не скрывало белоснежный массив Софийского собора и золоченые купола киевских церквей. Ослепительная панорама с севера продолжалась застройкой Замковой горы, а с юга – видом на поселение Михайловского холма.

Десятинная церковь

Будучи удачливым во всех своих предприятиях, Владимир Святославич испытал много несчастий в конце жизни. Главным из них оказалась семейная драма, точнее, неосторожность при дележе государства. Из двенадцати рассорившихся сыновей самым непокорным оказался Ярослав: посаженный в Новгороде, он отказался платить дань и пригрозил отцу войной. Тяжкие для родительского сердца переживания подорвали слабое здоровье князя. В летописях содержатся отрывочные сведения о его смерти. Известно, что он скончался в Берестове. Глубокой ночью дружинники завернули тело владыки в ковер и опустили на землю, но похоронили не в резиденции, а в Десятинной церкви, подле гроба княгини Ольги.

Символом героической эпохи Владимира стал митрополичий храм Успения Богоматери. Место для огромного каменного здания нашлось в 989 году, когда по велению князя был засыпан ров и срыта часть вала под крепостной стеной. Самая крупная в днепровских степях постройка располагалась на высшей точке города Владимира. Правитель определил на ее возведение и содержание десятую долю личных доходов, отчего церковь получила название Десятинная. Ко времени освящения она была украшена иконами и всякой «благолепной утварью». К тому времени киевские дружины совершили успешные походы в приволжские степи, побывали на Балканах и Висле, видели снежные вершины Кавказа, темные воды Балтики, сумели добраться до скалистых берегов Крыма. Вчерашние язычники, которых весь цивилизованный мир считал дикарями, создали великую державу, совершали далекие путешествия, били врагов, приобретая новые земли для своего крепнущего государства. Сознывая важность миссии, русские воины исполнялись гордостью за себя и свою родину, где патриотические чувства сохранялись в монументальных формах искусства.

В языческой Руси существовали только деревянные храмы. Их облик пока остается предметом спора, но большинство ученых склоняется к мнению, что основой древнейших культовых построек была клеть. Являясь усложненным вариантом сруба, она формировалась путем последовательной укладки бревен. Эта довольно простая конструкция позволяет представить вид языческих молелен, которые отличались от обычных изб лишь главой с крестом. При необходимости постройку увеличивали с помощью соединения срубов, каждый из которых наделялся собственным навершием. С ростом городов в днепровских странах начали возникать более сложные формы, например увенчанный крестом столп – башнеобразное сооружение с шатровой крышей и арочными окнами. Внешне такой храм напоминал дозорную башню крепости. Его изображения чаще других встречаются на иконах, в летописях, церковных уставах и псалтырях.

Восьмерик с притворами

Десятинная церковь. Реконструкция

Многоярусные шатровые композиции с теремками наверху стали своеобразным символом древнерусского зодчества. Особой их разновидностью был «храм о двадцати стенах»: восьмигранная башня (восьмерик), к которой с четырех сторон примыкали квадратные срубы алтаря и притворов. Внутри все постройки сливались в одно помещение, а снаружи представляли собой эффектную конструкцию со множеством крыш и крестов. Иконописцы обычно показывали боковые пристройки с односкатными крышами, хотя в действительности они чаще накрывались шатром. В деревянном зодчестве притворы играли роль входных залов и остались таковыми в архитектуре каменной. В церкви Спаса на Берестове такие помещения утепляли входы, одновременно расширяя интерьер.

Еще одним древним и весьма распространенным типом была крестчатая церковь – поздний, несколько упрощенный вариант «храма о двадцати стенах». В «Сказаниях о святых Борисе и Глебе» она изображалась в виде восьмерика, увенчанного шатром и шлемовидной главой со световым барабаном. Высокая башня и шатер по традиции составляли единое внутреннее пространство. Маленькие круглые окна плохо пропускали свет, но его и не требовалось для общения с Богом. Фасады киевских деревянных церквей часто украшались росписью. Крыши, как правило, покрывали неяркими материалами: свинцовыми пластинами, черепицей, деревянным лемехом, белым железом. Медные позолоченные купола выглядели более эффектно, но стоили дорого, поэтому встречались очень редко.

Вздывавшиеся до небес купола храма Успения Богоматери символизировали мощь и процветание государства. Для полного обустройства храма не хватало святынь, и киевляне нашли их в Берестове, где покоился прах Ольги, тогда еще не причисленной к лику святых.

Мощи княгини с великими почестями доставили в столицу, определив в алтаре главного киевского храма.

В старинных рукописях Десятинной церкви неверно приписывали 25 куполов Софийского собора, хотя на самом деле она была 5-купольной. Проверенная веками конструкция позволяла устроить внутри просторный внутренний зал с тремя нефами (помещения, ограниченные рядами колонн) и таким же числом полукруглых апсид – выступов, перекрытых полукуполом или полусводом.

В храме предполагалось устроить резиденцию митрополита, для чего здание было окружено двухэтажной пристройкой. Кроме покоев владыки, в ней находились кельи для казны и архива, библиотека, школа для «нарочитой чади» (боярских детей) и скрипторий, где монахи переписывали греческие рукописи. Первый ярус составляли открытые галереи-аркады.

В свое время крестово-купольная конструкция отличалась наибольшей простотой, удобством и рациональностью. В таком храме каждая деталь была продумана, обусловлена и связана с другими архитектурными элементами. Подобное сооружение легко увеличивалось в длину: добавив всего лишь пару столбов, строители получали шестистолпный храм, каковым изначально являлась Десятинная церковь. Для того чтобы увеличить постройку в ширину, нужно было прибавить по одному нефу с севера и юга. В этом случае появлялся крестово-купольный храм, разделенный на открытые помещения 12 опорными столбами, что можно увидеть в Софийском соборе. В центральной апсиде любого крестово-купольного храма устанавливался высокий стол (престол), в северной – жертвенник (место хранения хлеба и вина для причастий), а в южной – диаконник (место хранения церковных сосудов, риз и других культовых ценностей).

При отделке каменных стен киевские строители чаще применяли так называемую цемяночную затирку. Представляя собой обычную побелку, она выделяла монументальные сооружения из окружающей серости, несмотря на то что отдельные детали сохраняли естественный светло-коричневый цвет камня. Это относилось к меандровому орнаменту и поребрику – орнаментальной кирпичной кладке в виде ряда кирпичей, уложенных под углом к наружной поверхности стены.

Внешнему виду Десятинной церкви соответствовало ее богатое убранство. Стены по византийскому образцу покрывались фресками и мозаикой; полы были выстланы кусочками цветного мрамора. Судя по своеобразию художественной манеры, росписи выполняли греки. К сожалению, живопись погибла вместе с храмом, но о мастерстве художников можно судить по сохранившимся фрагментам. Археологи обнаружили часть лица неизвестного святого, точнее, его глаза. Широко раскрытые, устремленные прямо на зрителя, они производят гипнотизирующее действие. Известно, что греческие иконописцы отличались невероятно экспрессивной манерой письма, знакомой нашим современникам по работам Феофана Грека.

Безымянный святой. Фреска Десятинной церкви.

В одухотворенности образов, их величии и силе характеров заключены основные черты, воплощенные автором росписи Десятинной церкви. Фрески храма свидетельствуют об изменениях эстетических норм в искусстве того времени. Впервые в Древней Руси мастера обратились к сложному и глубокому миру человека. Если раньше живопись не выходила за рамки декоративных мотивов, довольствуясь условными изображениями фигур, то теперь значительно расширила горизонты. Главным ее объектом стал человек, хотя и в религиозных атрибутах. Изобразительное искусство, как и литература, заключало в себе жизненную правду, отражая реальное бытие и суть восприятия мира.

Для строительства и украшения огромного храма потребовалось создание целого производства. Владимир пригласил иноземных художников, видимо не рассчитывая на местные таланты в столь тонкой работе. Грекам помогали городские ремесленники, которые, кроме того, занимались приготовлением строительных материалов. На Руси это был первый грандиозный проект, и немалую роль в его осуществлении сыграли киевляне. Проекты такого размаха часто становились основой для развития местных художественных сил; даже второстепенное участие в строительстве служило хорошей практикой. Именно ко времени возведения Десятинной церкви относится зарождение киевской школы, определявшей стиль отечественной иконописи вплоть до XVII века.

Потомки Владимира не уделяли должного внимания детищу отца. На фоне новых построек Десятинная церковь уже не выглядела столь величественно и постепенно теряла значительность. Второе ее рождение состоялось благодаря чудесному открытию мощей Владимира и Анны. Останки княжеской четы обнаружил киевский митрополит Пётр Могила (1597–1647), «имевший обыкновение посещать святыне храмы каждую субботу. В назначенное время преосвященный пошел в Десятинную церковь, где отправил обычную свою молитву, и по выходе из оной, обозревая окрестности, увидел нечаянно яму, которую из любопытства приказал глубже разрыть.

Тогда в оной были найдены два мраморных гроба, в которых, по надписям, лежали кости святого Владимира и супруги его, греческой царевны Анны. По открытии гроба митрополит взял великого князя голову, которую положил в церкви, сим князем издревле созданную, а в сие время митрополитом Могилою возобновленной». Летописец отнес это событие к 1635 году, когда Десятинная церковь «к падению клонилась». Составив малую часть «бывшей огромности», отреставрированный храм уже не падал, хотя и не сиял золотыми главами, как в старину.

Город Ярослава

Ярослав I Владимирович Мудрый (978–1054), будучи князем новгородским, так сильно желал независимости, что отказался платить отцу ежегодную дань в 2 тысячи гривен, как делали все посадники. Смелый поступок получил одобрение новгородцев, но вызвал гнев Владимира. Киевский князь приготовился к походу против сына, приказал исправлять дороги, строить мосты, но вскоре заболел и скончался. Великокняжеский стол захватил Святополк, предварительно умертвив братьев Бориса, Глеба и Святослава, за что получил прозвище Окаянный.

В Повести временных лет описаны трагические события 1015 года, когда «посланные князя напали на блаженного Бориса, как дикие звери из-за шатра, и просунули в него копья, и пронзили его, а вместе с ним слугу, отрока-венгра по имени Георгий, который прикрыл господина своим телом. Бориса завернули в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал, пока варяги Святополка не пришли и не прикончили его». Далее рассказано о смерти другого брата, зарезанного собственным поваром: «Торчин, вынув нож, зарезал его как ягненка. Так был он принесен в жертву и брошен на берегу между двумя колодами. Затем увезли его и положили рядом с братом в церкви Святого Василия».

Оплакивание Глебом убитого князя Бориса. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век

Невинно пострадавшие князья Борис и Глеб стали первыми канонизированными святыми. Венчанные избранники русской церкви, они безоговорочно почитались в народе, став героями еще до официального признания. Исключительность этой ситуации состоит в том, что ранее святыми объявляли мучеников за веру, а юные князья погибли в междоусобном конфликте, подобно многим до и после них. По приказу Окаянного мученически погиб третий сын Владимира, но вопрос о его канонизации даже не рассматривался. Вопреки воле византийских церковников киевский митрополит Иоанн перенес тела Глеба и Бориса в новый храм, сам «сослужил им службу, установил праздник, хотя и был преужасен в усумнении».

Во избежание участи братьев Ярослав собрал большую дружину и двинулся на Святополка. Новгородцы выступили в поход вместе с варяжскими воинами, нанятыми князем еще для войны с отцом; киевский князь призвал на помощь печенегов. Жестокая битва состоялась под Любечем: новгородцы одержали победу, и в 1016 году Ярослав торжественно вступил в Киев через Софийские ворота. Однако через несколько месяцев Окаянный вернулся, выиграл второе сражение и сел в Киеве, правда ненадолго. На третий бой братья вышли на берега реки Алты близ Переславля, где в 1019 году, по выражению летописца, Ярослав «утер пота с дружиною, показав победу и труд великий». Поверженный Святополк бежал в Польшу и умер по дороге, а победитель прочно утвердился в Киеве.

Несмотря на то что все правление Ярослава отмечено войнами, с его именем связан высший расцвет Древнерусского государства. В перерывах между ссорами с братьями ему приходилось совершать походы против внешних врагов. Киевские дружины громили печенегов, финнов, чудь, литовцев, ятвягов, брали Перемышль и червленские города (Галицию). Захваченные на западе пленники оказались полезны в деле охраны восточных границ: князь приказал расселить поляков в небольших городках по берегам реки Роси.

Убийство Глеба. Миниатюра из Радзивилловской летописи, XV век

Прозвище Мудрый закрепилось за Ярославом лишь в XIX веке. Летописцы отмечают, что хромоногий князь «не оставил по себе такой завидной памяти, как его отец. Он был добрым, на рати храбр и сам книги читал». Последнее замечание свидетельствует о его учености, удивительной для того времени и страны, где еще не знали собственных книг. В отечественной истории непокорный сын Владимира остался созидателем, «нарядником земли русской», проявлявшим заботу о мощи, спокойствии, безопасности государства и красоте Киева. В годы его княжения территория столицы достигла величины 400 га, почти в 10 раз превысив площадь града Владимира.

По приказу Ярослава были построены мощные оборонительные сооружения, включавшие в себя глубокие рвы и насыпь, укрепленную клетями из дубовых бревен, уложенных в 9 рядов. Крепостные стены остались прежними, а валы протянулись более чем на 3 км и вместе с установленными поверх рублеными клетями поднялись на высоту до 14 м. Если с юга и запада линию обороны дополняла естественная защита в виде оврагов, то с северной стороны город был почти открыт. Поэтому именно здесь возникли знаменитые Золотые ворота, прикрытые от врага армированным валом.

Созидательная деятельность Ярослава почти не коснулась восточной части города, где слабую защиту обеспечивали болота и мелкий Крещатицкий ручей. Скованные льдом препятствия уже не являлись таковыми, что доказал хан Батый зимой 1240 года, именно в этом месте прорвав оборону Киева.

Строительство начала XI века отличалось невиданным размахом, а постройки своими размерами и архитектурой затмили сооружения города Владимира. Созидательные труды князя красочно описаны современниками: «Заложил Ярослав город великий Киев, у него же града Златые ворота и на них митрополью церковь святая Богородица Благовещение, заложил церковь святых Софья, посем святого Георгия монастырь и святой Ирины». Прообразами киевских построек послужили аналогичные здания Иерусалима и Константинополя.

Каменные храмы играли ведущую роль в городской застройке, где немаловажное значение имели дворы. Если верить летописцам, то в городе Ярослава имелось 16 боярских и купеческих усадеб, сосредоточенных вокруг обширного великокняжеского двора. Владения именитых бояр занимали северо-восточный выступ Старокиевской горы. Здесь жили тысяцкие Гордята, Чудин, Никифор, Воротислав. Ближе к центру возвели свои хоромы воеводы Коснячек, Путята, Глеб, Ратыш, Василёк. На прежнем месте стоял огромный Мстиславов двор. Вместе они составляли живописный ансамбль, состоявший из деревянных часовен, теремов с башенками и галереями, украшенными резьбой и яркой росписью. Киевские археологи обнаружили 65 кладов, пополнив Музей исторических драгоценностей золотыми колтами, монистами с перегородчатой эмалью, бармами и пластинчатыми браслетами, иконами и складнями в богатых оправах. Большая часть ценностей была найдена в аристократическом квартале. К сожалению, значительная часть древних зданий перестала существовать после нашествия татаромонголов. Некоторые из каменных построек были разобраны в наши дни, а деревянные не пощадило время.

Золотые ворота

Восприятие города Ярослава начиналось с дороги, в перспективе которой возникал туманный контур Золотых ворот. Вначале путник видел сплошную белую массу; подойдя ближе, мог разглядеть стены, увенчанные темной линией кровель, а затем любовался башней-храмом, являвшейся обязательным элементом главных городских ворот. По мере приближения к городу масштаб постройки становился более ощутимым.

Золотые ворота сыграли огромную роль в истории и духовной жизни Киева. Они увековечены в летописях, колядках, легендах, былинах. В народном фольклоре они сравнивались с небесными вратами: здесь каждое утро всходило солнце, поднималось, вступало в «небесный град», что означало спасение от смерти.

Современники Ярослава понимали Золотые ворота как триумфальный вход в столицу могущественного государства. Эту мысль изначально отражал рисунок на створках: архистратиг Михаил в окружении воинов. Предполагалось, что к ним не должен подойти враг, поэтому выражение: «Постучать мечом в Золотые ворота» означало захват города. Если материальную защиту обеспечивали толстые стены, то духовной гарантией служила надвратная церковь Благовещения, похожая на главный храм Киева, Софийский собор, как по архитектуре, так и по внутренней отделке. Идейная основа постройки выражена в позе Богоматери Оранты, изображенной с молитвенно поднятыми руками. Смысл ее движения объясняет цитата из псалмов Давида, выбитая на куполе апсиды: «Бог посреди города, он не поколеблется, Бог поможет с раннего утра».

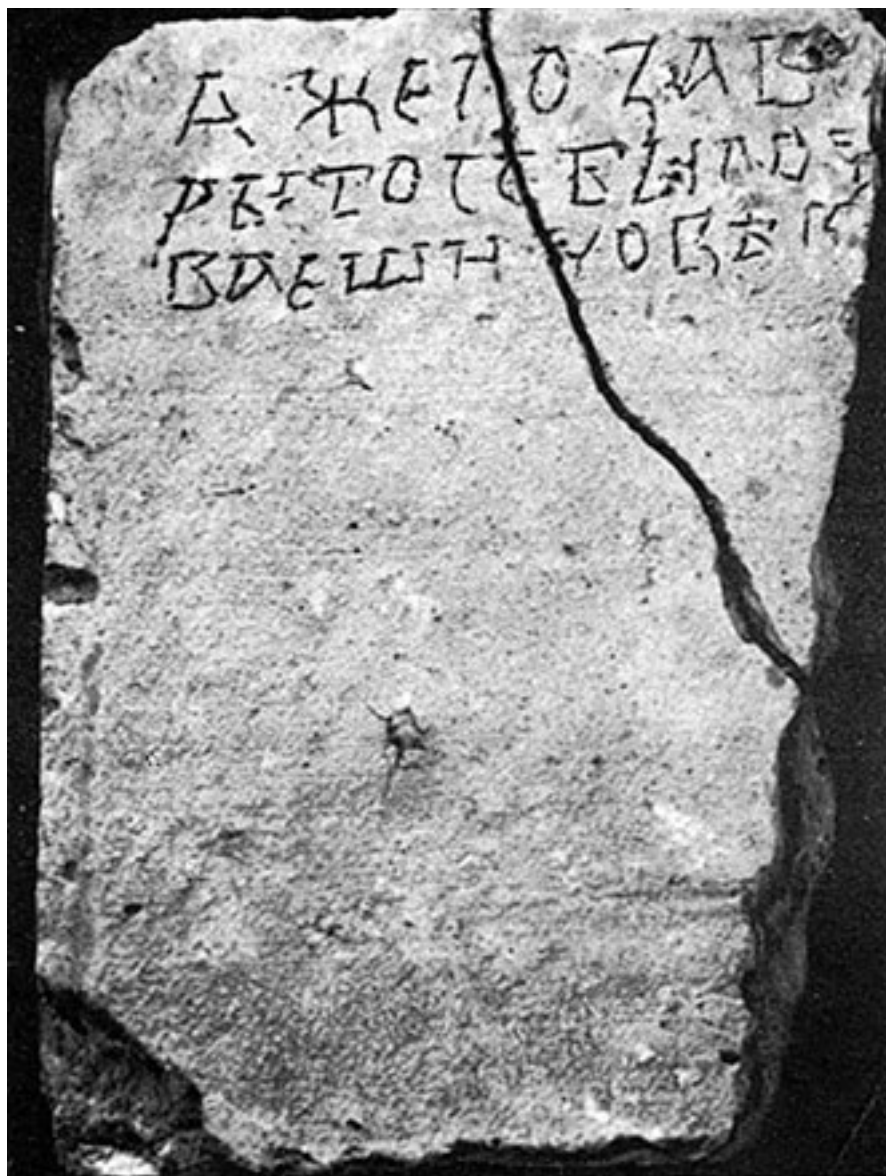
Золотые ворота. Реконструкция

Древние зодчие строили ансамбль, постепенно усложняя архитектурные массы, расчленяя объемы, наращивая художественный эффект к центру композиции. Невдалеке от Золотых ворот, на дороге к новому городу, стояли пятиглавые трехнефные храмы Святой Ирины и Святого Георгия. В створе между ними виднелся контур колоссального Софийского собора с 25 куполами. Расположение двух небольших патронатных церквей напоминало о местах, которые в главном храме города занимали Ярослав, уподобленный Георгию, и его супруга, шведская принцесса Ингигерда, принявшая христианское имя Ирина в честь православной святой.

О надвратной церкви Благовещения упомянуто в Слове о законе и благодати, отмеченном мудростью ближайшего советника Ярослава митрополита Иллариона. Оглашение труда

состоялось в день завершения строительства укреплений и, возможно, открытия Софийского собора. Почтив память Владимира, автор оценил дела его наследника, который «славный град Киев величеством, яко венцем, обложил, передал люди твоя и град твой святой, всеславный, скорый на помощь христианам, святой Богородици, ей же церковь на великих вратах создав во имя первого праздника Благовещения».

Параметры Золотых ворот определенным образом согласовались с размерами главного храма Киева. Ширина проезда составляла 7,65 м, что равнялось ширине главного нефа Софийского собора, четверти размера длинной стороны целлы Парфенона или диаметра купола Софии Константинопольской. Постройка была сложена из камня и кирпичей, скрепленных розовым известковым раствором. Мастера использовали особый способ кладки, когда смежные ряды укладываются на различную глубину, а широкие полосы между выступающими кирпичами затираются раствором. Основным строительным материалом служила плинфа (от греч. *plinthos* – «кирпич») – широкий, плоский обожженный кирпич, заимствованный русскими зодчими из Византии. По окончании строительства стены Золотых ворот традиционно отштукатурили, покрыли белой краской, а фасады украсили декоративными деталями: глухими ступенчатыми нишами, плоскими вертикальными выступами под названием «лопатки».

Плинфа с надписью, 1074 год

Из всех созданных Ярославом укреплений частично сохранились только валы. Величественные Золотые ворота, подобно крепостной стене, остались в рисунках и народной памяти. По легенде, при возведении они были обиты медными вызолоченными досками, от которых получили свое название. Драгоценную обивку выломали и увезли с собой воины половецкого князя Боняка. Неизвестно, в каком состоянии ворота находились в пору татаромонгольского нашествия, но в 1240 году они пострадали мало в отличие от церкви, разрушенной при штурме крепости. Став после того обычным городским входом, Золотые ворота действовали до середины XVII века. В 1750 году их засыпали землей, а спустя 80 лет раскопали и частично отреставрировали по инициативе киевского археолога К. А. Лохвицкого. В середине XIX века в целях обустройства города власти Киева распорядились срезать грунт на некоторых центральных улицах. Крутые уклоны стали более пологими, но Золотые ворота поднялись над окружающей местностью и с тех пор возвышаются на 3-метровом земляном пьедестале.

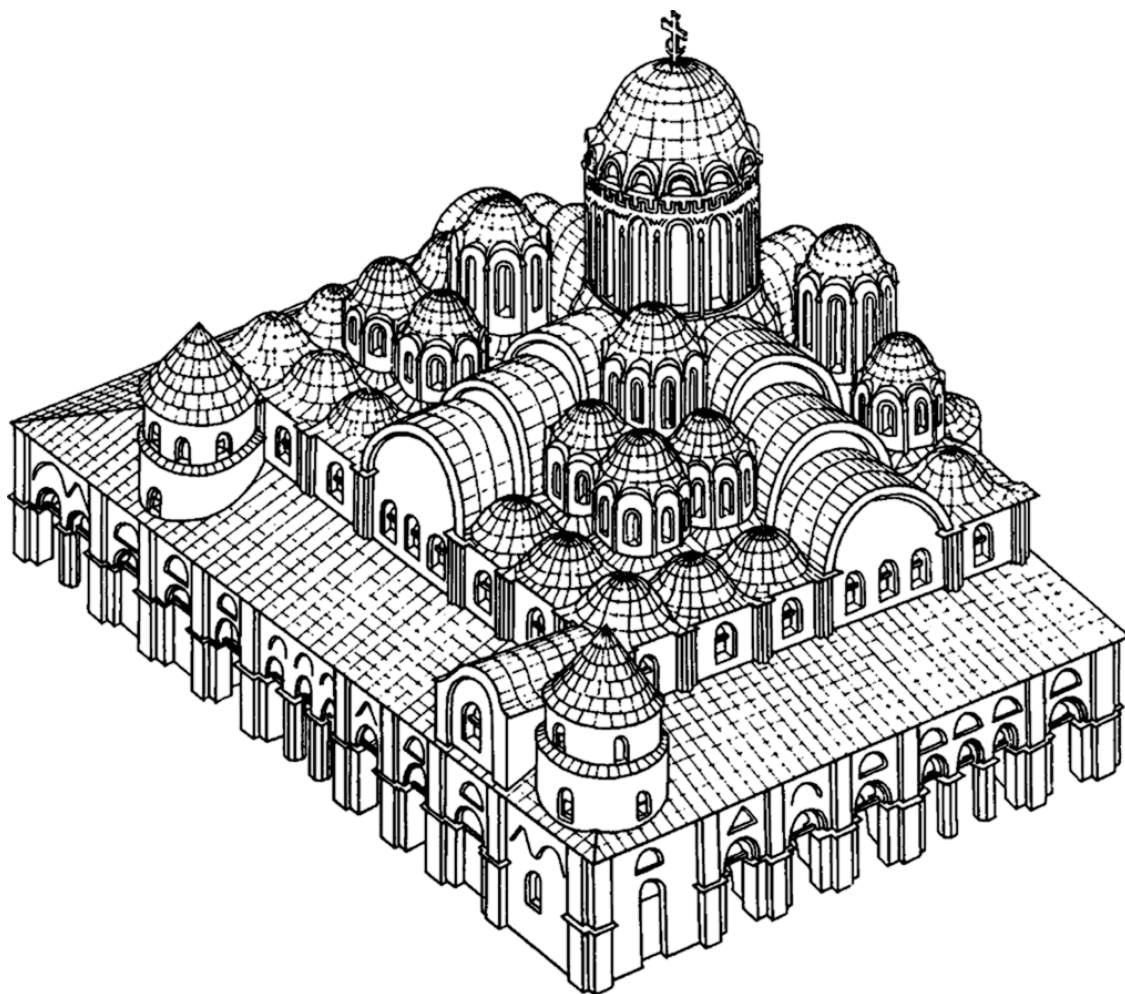
Софийский собор

Приняв христианство, Киевская Русь духовно сблизилась с Византией, значительно расширив возможности общения с романским Западом. В те времена «Священная держава» относилась к наиболее развитым в культурном отношении странам. Ее достижения помогали русским усиленно развиваться в самых различных областях, в том числе и сфере градостроительства. Связь Киева с Константинополем усилилась во времена правления Ярослава Мудрого.

В учрежденных князем школах на основе книжной культуры создавались условия для воспитания просвещенных людей, одним из которых был митрополит Илларион. Особое внимание уделялось просвещению религиозному, и в этом государству помогала церковь. Если при Владимире существовало 9 епархий, то во времена Ярослава их стало 17.

В XI веке Киевская Русь была самым крупным государством Восточной Европы. Великие князья пользовались уважением у западных монархов. Чужеземные короли и принцы искали их поддержки в дипломатических и военных делах, нередко стараясь завязать династические связи. Достаточно вспомнить княжну Анну Ярославну, которая вышла замуж за французского короля Генриха I, вскоре стала вдовой и в этом качестве много лет правила европейской державой.

Современники отдавали дань уважения Ярославу, почитая его как мудрого правителя, отважного воина, но главное – созидателя, прославившего русский народ строениями, удивительными по красоте и масштабам. В одной из торжественных речей по случаю открытия храма сказано, что «княжил он не в плохой стране, но в русской, которая ведома и слышима во всех концах земли». Столь же высоким слогом говорилось о самом выдающемся творении той эпохи: «Церковь Святой Софии дивна и славна всем окружным странам, яко же ина не обращается во всем полунощи земленем от востока до запада». Софийский собор (София Киевская), ставший идейным и композиционным центром столицы, сегодня считается шедевром древнерусского зодчества.

Софийский собор в Киеве. Реконструкция

Построенная в подражание константинопольскому храму с тем же именем, София Киевская ознаменовала собой окончательную победу над печенегами. Огромный собор строился и украшался около 12 лет. На церемонии его освящения в 1037 году Ярослав объявил Киев столицей Руси. Хронология строительства здания известна из датированных надписей, сохранившихся на его стенах.

Новый храм занял место деревянной часовни монастыря, основанного княгиней Ольгой. Этот участок немного возвышался над остальными районами города. То, что к 1018 году он уже пустовал, засвидетельствовано в трудах Титмара Мерзебургского. Немецкий историк оставил сведения о том, как Святополк со своим тестем, польским королем Болеславом, подошли к Киеву и были встречены «архиепископом у Святой Софии, который в предыдущем году по несчастной случайности сгорел». Сюда, к главной площади столицы, сходились основные дороги, поэтому многокупольная громада Софийского собора возникала перед взором путника, через какие бы ворота он ни проходил.

Фрагмент стены Софийского собора

Строгое соответствие всех частей здания отражало священный статус столицы государства, которым правил Ярослав – уподобленный цесарю владыка, создатель всего этого великолепия. Своеобразие храму придавали открытые галереи, а также уступчатый ансамбль куполов, отличавшие Софию Киевскую от византийского образца. Первый купольный уровень состоял из 12 низких наверший, паривших над помещениями внутренних галерей. Выше располагалось столько же куполов на приземистых и вытянутых световых барабанах. Венчавший постройку главный купол достигал высоты 31 м. По желанию Ярослава архитектурная композиция воспроизводила идею племенного союза: 13 глав на световых барабанах олицетворяли славянские народы, а низкие купола напоминали об остальных, находившихся во власти Киева.

Главный храм державы изумлял современников не только размерами, но и художественным совершенством. В его архитектуре, мозаиках, живописи, роскошной утвари соединились все известные тогда виды искусства. Канонические изображения Бога, апостолов, евангелистов, мучеников и святых раскрывали представление о духовной защите Руси. Христос Вседержитель смотрел «на люди своя» с головокружительной высоты купола. Похожее значение имела покровительница Киева Богоматерь Оранта, подобно Христу, не отделяемая от церкви и народа.

Центральный купол Софийского собора

Число входов в собор равнялось сторонам света. С северной и южной стороны они представляли собой сооружения в виде тройных арок. Известно, что в 1651 западный портал украшали колонны из белого мрамора, упомянутые в трудах сирийского путешественника Павла Алеппского. Они могли попасть сюда из Десятинной церкви во время реставрационных работ XVII века. Требования строгости и четкости наружных форм не помешали масте-

рам проявить фантазию в отделке фасадов. Ритм арок с северной стороны не повторялся с южной; кроме того, детали различались по конфигурации. Башни располагались несимметрично из-за винтовых лестниц. Их марши начинались с одной точки, имели одинаковое, правостороннее, вращение и через два витка приводили на хоры. Создатель собора намеренно отказался от симметрии, наверное для того, чтобы вывести одну из лестниц в запланированное место, не изменяя формы самой башни. Употребив нетрадиционную постановку, он сумел достичь желанного разнообразия.

Ранние исследователи полагали, что Софийский собор строился с перерывами в течение полувека. Однако архитектурное единство дает основание отнести замысел, создание модели и строительство к творчеству одного человека, вероятнее всего грека, имя которого осталось тайной. Таким образом, после Десятинной церкви Софийский собор стал вторым монументальным каменным зданием, возведенным константинопольскими мастерами. Высокое белоснежное с красно-розовыми деталями сооружение, увенчанное золотыми куполами, на фоне серой деревянной застройки казалось неземным по красоте и роскоши убранства. В процессе его возведения обучались и набирались опыта местные мастера, тем более что тогда ремесло постигали не по книгам, а по образцам.

После долгих лет изучения архитектуры Софийского собора ученые смогли установить последовательность его возведения. Строительство по разумной традиции началось весной 1018 года. К зиме мастера успели установить столбы и стены на высоту нижнего яруса. Устойчивая конструкция в виде дубовых перевязей легко перенесла вьюги и холода, дожив до второго сезона, когда храм поднялся до уровня хоров. На следующий год строители довели высоту сооружения до перевязей арок хоров, а в следующие два года устроили своды, центральный купол, 4 больших и все малые купола. Затем работы были приостановлены для просыхания штукатурки. Отделка внутренних помещений заняла около 4 лет, и к весне 1031 года София Киевская имела вполне законченный вид.

Если во времена Владимира архитекторы-греки были редкостью, то при Ярославе и позднее, в Средневековье, странствующие зодчие и художники уже никого не удивляли. Их творения принадлежали к двум культурам – византийской и русской. Немногие из памятников смогли преодолеть время, но сохранившиеся послужили примером для подражания.

Восточная часть Софийского собора

В древности заказчик определял замысел произведения в любой области, будь то архитектура, живопись или ювелирное искусство. Правители молодого христианского государства желали, чтобы их соборы не уступали византийским ни размерами, ни красотой. Для этого мастерам приходилось обращаться не только к современным образцам, но и к наследию прошлого. Огромные хоры киевских соборов повторяли соответствующие элементы в постройках Византии IV века – золотой эпохи императора Юстиниана. Величественным храмам надлежало ошеломлять равно как недавних язычников, так и просвещенных гостей с Запада.

Над интерьером главного храма столицы, возможно, работали создатели Десятинной церкви. Об этом свидетельствуют техника росписи и типичные строительные приемы. Монументальной внешней архитектуре Софийского собора отвечает торжественность отделки его помещений. Внутреннее пространство храма разделено на поперечные и продольные нефы. На востоке каждый из них завершается полукруглым выступом-апсидой. Центром композиции является освещенное пространство под главным куполом.

Тот, кто посещает храм впервые, сначала не видит ничего, кроме арочных просветов внешних и внутренних галерей. За рядами столбов царит полумрак, который усиливает впечатление от ослепительной красоты, залитого светом центрального пространства, богато украшенного мозаиками и многоцветной росписью. Контраст света и тени подчеркнут хорами, устроенными на крестчатых столбах. Ряд массивных опор создает анфиладу тесных сумрачных помещений, а комнаты на хорах, напротив, светлы и просторны. Зодчий увеличил их размер путем объединения нескольких залов в один, покрыв куполами, опирающимися на оригинальный пучковый столб. В древности на хорах происходили церемонии «посаждения на стол», здесь принимали послов и отмечали важные события в государстве и личной жизни правителя. Во время богослужений сюда поднимались князь, его семейство и высшая аристократия, оставляя простой народ внизу, у себя под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.